
Journal of Religious Culture

Journal für Religionskultur

Ed. by / Hrsg. von

Edmund Weber

in Association with / in Zusammenarbeit mit

Matthias Benad, Mustafa Cimsit, Natalia Diefenbach, Alexandra Landmann,

Vladislav Serikov, Roger Töpelmann & Ajit S. Sikand

Goethe-Universität Frankfurt am Main

in Cooperation with the Institute for Religious Peace Research /

in Kooperation mit dem Institut für Wissenschaftliche Irenik

ISSN 1434-5935 - © E. Weber – E-mail: e.weber@em.uni-frankfurt.de; info@irenik.org

<http://web.uni-frankfurt.de/irenik/religionskultur.htm>; <http://irenik.org/publikationen/jrc>;

<http://publikationen.ub.uni-frankfurt.de/solrsearch/index/search/searchtype/series/id/16137>;

<http://web.uni-frankfurt.de/irenik/ew.htm>; <http://irenik.org/>

Nr. 204 (2015)

'Блаженный человек' и 'старый Бог'

Эссе о ницшеанском апокалипсисе современного существования

Эдмунд Вебер

перевод: Наталия Дифенбах

*"Где Бог? – воскликнул он. – Я хочу сказать вам это! Мы его убили – вы и я! Мы все его убийцы!"*¹

Эта знаменитая фраза „блаженного человека“² (Der tolle Mensch) из сочинения Ницше „Весёлая наука“ (Die Fröhliche Wissenschaft) адресована отнюдь не признанным апостолам благочестия с целью отвратить последних от веры в Бога и убедить в правоте атеизма. Его возмущённый глас адресован атеистам и подобным им неверующим. Свой голос он поднимает вовсе не за тем, чтобы укрепить научное или

¹ Ницше, Фридрих. *Весёлая наука (la gaya scienza), Третья книга, Афоризм 125: Безумный человек*, см. Ницше, Ф. Сочинения в двух томах. Том 1. Москва: Мысль 1990, 491–719, с. 592.

² В переводе Свасьяна "безумного человека" см. прим. 1.

ненаучное безверие. Нет! Он высказывает эту невероятную истину, ожидая ответа на вопрос, понимают ли они, убившие Бога, что они натворили, сознают ли последствия своего чудовищного деяния?

„Блаженный человек“ вовсе не отдаляется от своих безбожных слушателей, напротив, он причисляет себя к ним. Однако в противоположность означенным богоубийцам, он постиг, какую ужасающую экзистенциальную катастрофу они навлекли на себя совместными усилиями. Кем же является этот Бог, которого Ницше именует „старым Богом“ и который был умертвлен тем самым „блаженным человеком“ и его слушателями с базарной площади современности ?

„Старый Бог“ - это результат экзистенциального первичного опыта сотворённого сознания: не его творения, образующие его собственную основу, а его абсолютная свобода, свобода как от самоопределения, так и от манипуляции со стороны – именно от этой бездны абсолютной свободы он, старый Бог, и отстраняется. Он отчуждается от неё, постигая тот факт, что ни его достижения и страсти, ни его снова и снова приходящее утверждение позитивности (Positivität), а ему изначально присущая динамика отрицания (Negativität), стремление к бесконечности, высвобождение всех форм бытия, являют собой сущность его бытия. Все формообразующие элементы сознания являются в основе своего существования всего лишь тангентами. Чтобы не попасть в сети первичного динамичного отрицания экзистенции, в сознании сложилось представление о „старом Боге.“ С помощью этого образа предпринималась, возможно напрасная, попытка, нейтрализовать первичный опыт, который наводит страх. Ведь именно указанный первичный опыт означал осознание того факта, что образование форм и структур экзистенции, то есть культуры, не способно предоставить даже минимальную гарантию самой экзистенции.

С формированием представления о „старом Боге“ изменяется экзистенциальное осознание его истинной сущности, то есть его динамичное отрицание, его первоначальная свобода творца, познанной тем самым бездонности и отсутствия линии горизонта экзистенции.

Посредством ставшей неспецифической, энергии, дух преобразует себя сам в своих конечных образах, но, так как он не в состоянии возродиться в них в смысловых горизонтах божественного миропорядка или случайных структурах хаоса, ему ничего не остаётся, как самоликвидироваться. Культура, символ всех формаций и образов экзистенции, подвергает Дух анализу, чтобы тем самым возродиться вновь.

Убив наивысшую и всеопределяющую образующую сущего, „старого Бога“, богоубийцы добились полной утраты всяческого метафизического стержня, того самого удерживающего и стабилизирующего фактора, который был им предоставлен представлением о „старом Боге“.

Однако убийцы Бога не готовы признаться себе в уничтожении ими же созданной экзистенциальной основы со всеми вытекающими последствиями. Это и является центральным мотивом послания „блаженного человека“.

Таким образом „блаженный человек“ пытается показать богоубийцам всю чудовищность их поступка, открыть им глаза на так называемую просвещённую современность, являющуюся в действительности ностальгическим сновидением: ведь

уничтожение „старого Бога“ вырывает их, безбожных людей, из контекста неких, присутствующих в их самосознании конститутивных форм существования, которые ранее сообщали им уверенность в причинности жизни и смерти.

Сейчас же, в силу того, что они, не сознаваясь в этом даже самим себе, покинули созданную ими же основу, им придётся осознать, что всё их предшествующее существование проваливается в воспринимаемую ими ностальгически, бессмысленность: *„Мы обваливаемся прямым ходом? И назад, и в сторону, и вперёд - во все стороны?“* (2) Ностальгическая основополагающая ориентированность экзистенции в действительности более не возможна: *„Существует ли ещё это самое „ещё“, а также „верх“ и „низ“? Не плуаем ли мы в бесконечном ничто?“* (3)

Богоубийцам приходится признать, что они безвозвратно запустили Коперниканский поворот экзистенции, посему „блаженный человек“ вопрошает своих богоборных сотоварищей: *„Что сделали мы для того, чтобы открепить Землю от Солнца?“* (4) Другими словами, не лишили ли они себя всех и всяческих, с их точки зрения надёжных, основ экзистенции? И где теперь те „цепи“ определённости, на которых всё имеет смысл или лишено всякого смысла?

Названная духовная революция более не допускает избавления от „старого Бога“ лишь путём его незнания (*via ignorantia*). Богоубийцы вынуждены признать, что их безбожие влечёт за собой фактическое действие. Коль скоро экзистенция не имеет более никакого фундамента, кроме созданного ими, то неизбежно возникает парадокс, когда богоубийцы *in praxi*, в своей культуре и стиле жизни, не признаваясь в этом самим себе, исходят из предпосылки, что переименованный и замаскированный ими, „старый Бог“ по-прежнему гарантирует их существование.

Не удивительно, что слушатели „блаженного человека“ реагируют на его проповедь о богоубийстве полным непониманием: *„...они тоже безмолствуют, отчуждённо глядя на него“* (5) Слишком чуждо было им представление, что они убили Бога, в то время, как сами они полагали, что смогли успешно включить его в научный дискурс в качестве рационального аргумента; слишком чуждо представление, что сие действие может иметь катастрофические последствия для их собственного существования. Представление это было настолько чуждо, что они молчали, утратив в своём сознании всяческий доступ к этому историческому деянию.

„Блаженный человек“ понимает эту реакцию, ввиду того что *„чудовищное событие ещё блуждает в пути, - оно ещё не достигло ушей человеческих, ..., даже после их совершения, поступкам необходимо время, чтобы стать услышанными и увиденными.“* (6) Неодновременность поступка и его осознания создаёт временную иллюзию того, что „старого Бога“ хотя и ликвидировали, жизнь тем не менее продолжается как и во времена его открытого господства. В действительности же он вошёл в плоть и кровь, укоренился в душе, и неподвластен критике именно с в силу своей сокровенности.

Во избежании фактических последствий и экзистенциальных противоречий, богоубийцы позволяют своему сознанию расколоться. Тем самым они делают чёткое разграничение между методическим атеизмом и хаотичной набожностью чувств.

Раскол сознания оказывается настолько сильным, что „блаженный человек“ безнадежно восклицает: *„Я пришёл слишком рано... моё время ещё не пришло... Это деяние всё ещё отдалённое звёздной галактики - и тем не менее они его свершили!“* (7) Хотя сознание и витает в ностальгии, приходится признать неоспоримым, что современная экзистенция навсегда отняла у себя всяческую значимость.

Становится очевидным, что богоубийцы не желают на практике принимать своё падение в бездну; потому что в этом случае они оказываются лицом к лицу с ужасом пустоты (*horror vacui*), и пустотой иллюзии.

В действительности, даже не признаваясь в этом, они по-прежнему внутренне привязаны к созданному ими же стабилизирующему метафизическому конструкту, разрушенному их собственными силами в мировоззренческом контексте. С успехом или без - они по-прежнему используют старого доброго гаранта их - ещё в традиционном понимании - осмысленной жизни, в то же время лишив его места в своём квази просвещённом, историко-критическом эмпирическом мировоззрении.

Этот экзистенциальный самообман становится возможен в силу того, что „они“, хотя и не декларируют „старого Бога“ в рамках официально декларируемого научного мировоззрения, но – и оттого ещё сильнее – предпосылают его в *чувстве*.

Бессмысленно отрицать, что в реальной жизни „старый Бог“ фактически продолжает молчаливо и незримо присутствовать. Лишь в рамках так называемого просвещённого сознания образ „старого Бога“ ничего не значит: в лучшем случае он может быть подвергнут осмеянию или же представлен - в соответствующих теоретических построениях - чужеродным растением рационального сада культуры.

Однако не стоит заблуждаться. Будучи изгнанным из рефлектирующего экзистенциального сознания, он по-прежнему остаётся важнейшим предметом эстетического пространства. Подлинное богословие является сегодня эстетикой тайного умиления и потрясения, ведь именно в области чувств разыгрывается современная религия.

Названное экзистенциальное расщепление современного экзистенциального сознания является нормальным духовным состоянием выставляющего себя просвещённым и вытеснившего все экзистенциальные проблемы, эмпиризма.

Пройдёт время, бросает им в лицо „блаженный человек“, пока богоубийство будет постигнуто экзистенциально, то есть пока оно проникнет в богоощущение и вследствие этого уничтожит эмоциональное переживание „старого Бога“ экзистенциальной эстетики.

Если же действительно случится так, что смерть „старого Бога“, как гаранта осмысленности и привычности мира, будет прочувствована и „старый Бог“ умрёт в эмоциональном контексте, тогда цепь, связующая Землю и Солнце (8) в глубинных слоях души, окончательно разорвётся. В следствии этого всё ещё живой внутренний мир как фикция данности и осуществимости основы экзистенции будет окончательно разрушен.

В чём же собственно состоит открытие „блаженного человека“?

Оно в апокалипсисе раздвоенности современной экзистенции.

Ведь блаженность „блаженного человека“ состоит не в пропаганде атеизма, а в том, что он разоблачает деяния, фатальным образом совершаемые так называемыми атеистами, не готовыми в этом сознаться. Он блаженный, оттого что разоблачает фатальную непоследовательность и двусмысленность существования самих богоубийц, а также оттого, что стремится положить конец экзистенциальной шизофрении самозванных поборников Просвещения.

Вывод „блаженного человека“, сделанный им из факта богоубийства однозначен: человеческое сознание свободно и бесцельно; экзистенции чужды вопросы „куда“, „откуда“ и „зачем“. Не смотря на то что, бездонность существования периодически проникала в мир ощущений, но лишь с момента уничтожения старого божественного уклада, правда экзистенции предстала во всей очевидности.

Первичный опыт свободы экзистенции снова и снова воспроизводился в образах безжалостной судьбы, свободных Богов и слепых стихий, которые способны произвольно распоряжаться жизнеустройством людей, их великими достижениями и грандиозными плодами их творчества, которые не обязаны считаться ни с высокоморальными героями, ни с возведёнными людьми на трон, справедливостью, которые просто следуют своим собственным, непостижимым, неподверженным какому-либо контролю, правилам, и абсолютно не заботящихся о концепциях экзистенциального смысла, развиваемых в сознании людей.

Эти представления первичного опыта свободы воспроизводились в истории мифологически. Но основная мысль оставалась очевидной: основание экзистенции кроется в бездонной свободе сознания, которая допускает бесконечное множество вариантов жизнеустройства, не допуская при этом, что хоть один из названных вариантов будет использован для сокрытия бездонного измерения свободы.

Во избежание духовного давления бездонной экзистенциальной свободы, человек постоянно использовал свободных Богов или свободного бога в качестве гарантов основания форм своей экзистенции (*Existenzgestaltung*), именно таким образом человек лишал себя свободы, цепляясь за свои конечные, бранные свершения, неважно какой природы – благородной, низкой или циничной.

Страх перед свободой, перед бездонностью экзистенции до такой степени затемнял сознание, что оно предпринимало и предпринимает исторически успешные попытки, выстраивать закрытые горизонты сознания в качестве защитных ограждений от наступления этой самой свободы. Именно тот горизонт и разрушили богоубийцы, что „великолепный человек“ выражает вопросом: „*Кто вручил нам губку, чтобы стереть весь горизонт?*“ (9)

Была предпринята попытка приручить свободных Богов, чтобы использовать их в качестве пастухов и охранников форм экзистенции, возведённых в ранг экзистенциального основания в качестве защитников от неискоренимой, непобедимой и творческой экзистенциальной свободы.

В действительности люди создавали из свободы новых богов, которые искусственно наделялись осмысленностью, справедливостью и предсказуемостью. Природа была принижена до уровня покорного и поддатливого материала, а судьба объявлена обычной химерой. Способность перехода в свою противоположность является одной из основополагающих опций свободы. Однако подобное добровольное самозаточение не способно противостоять силе свободы, силе продуктивного отрицания. Исходя из этого, свобода не может быть заточена в извечное научное или суеверное мировоззрение.

Однако истинная суть свободных Богов, свободной природы и свободной судьбы - в их свободе от правил и форм конечной культуры, которая всячески пытается навязать им свои экзистенциальные формы (Existenzgestaltung). Они же всегда были выразителями и хранителями бездонной свободы человеческого сознания, той свободы, которая стала неотъемлемой частью человека в его эволюционном развитии.

В тот момент, когда „блаженный человек“ восклицает: „Бог мёртв!“, он подразумевает представление о некоем защитнике запуганных тварей против их метафизических врагов. Окончательно умерщвлённым является бог, представляющий отчуждённую, подвергнутую насилию, культуру, целью существования которой является изображать “ultimo ratio” экзистенции. Тот самый бог, который был и остался обязанным, нести ответственность за то, чтобы человек мог привязать изобретённые им химеры научных мировоззрений, строгих моральных кодексов и технических изобретений к своей собственной совести.

Идея рождённого представлением „старого Бога“ является лишь выражением невыносимости экзистенциальной свободы, и как следствие, мнимой потребности в зависимости от самого себя, радикальной зависимости от собственных трудов, достижений и страстей.

Идея коренится в необходимости познания смысла или бессмысленности жизни и смерти; соответственно, экзистенция немислимо вне такого познания. Однако как жизнь, так и смерть находятся вне пределов представления о смысле и бессмысленности, которые определяют крайнюю линию горизонта формирования структур экзистенции, кажущуюся непреодолимым рубежом.

Блаженный человек вменяет в вину своим товарищам-богоубийцам то, что они несмотря на разрушение представления о „старом Боге“ как гаранте несвободы, вовсе не готовы допускать мысль об этом представлении; что они на самом деле, прикрываясь мировоззрением, тянутся к ощущению, которое защитит их от свободы, от Бога. Это заводит их в тупик явного экзистенциального противоречия. Ведь они игнорируют „старого Бога“ только в представлении, возведя его на трон в своём чувстве.

В научных изысканиях эти люди игнорируют Бога, не принимая его во внимание; но в частной сфере они посещают церкви и соборы, празднуют религиозные праздники, с умилением участвуют в Крестных ходах, религиозных процессиях, инсценировках Страстей Христовых, Страстей по Матфею и проч. Подобные религиозные переживания охотно декларируются и выставляются напоказ как исключительно эстетическое наслаждение. И тем не менее – именно таким образом они остаются прикованными к представлению о „старом Боге“.

Так называемые самозванные поборники просвещения были бы вынуждены предать себя - вне всяческой чувственной поддержки - той самой бездонной правде и экзистенциальной свободе, то есть Священному в собственном смысле этого слова.

Для этого были необходимы следующие условия: во-первых, если бы они довели до логического конца мысль об убитом Боге; во-вторых, постигли бы эту мысль на уровне чувства; в-третьих, их сознание должно было определяться экзистенциальным знанием о бездонности экзистенциальной свободы (притом безо всякого метафизического обхода); в-четвёртых, не отрицали своё прибежище в иллюзии старого Бога и связанной с этим зависимости на эмоциональном уровне.

Такой подход мог бы привести к новому структурированию экзистенции, которое как-бы изначально понимало свою ничтожность в силу постоянного пребывания в модусе становления. Ведь в этом модусе оно не в состоянии обосновать саму экзистенцию ни одним культурным моментом. Бессилие зависимости от себя и сила самоотверженности человеческой экзистенции могли бы облачить в Мысль как свободного, непостижимого Бога, так и свободную судьбу, вольную природы, а также категорию Священного.

„Блаженный человек“ спрашивает бездумных безбожников, не готовых вживаться мыслью в Священное, в экзистенциальную свободу: *„Кто вручил нам губку, чтобы стереть весь горизонт?“* (10) То была открытая ими экзистенциальная свобода. Их деяние оказалось иллюзорным, так как горизонт они всё ещё держат взаперти.

Экзистенция движется в рамках истины: *„На горизонте бесконечного“* (11). Современное нам отсутствие интереса к Богу делает очевидной метафору: *„Мы покинули сушу и двинулись к кораблю.“* Современные люди покинули псевдонадёжное основание экзистенции и двинулись в беспокойное море свободного Духа. Даже в том случае, если море, их новая среда обитания, спокойно и человек чувствует себя в иллюзорной безопасности, истина такова: *„Придёт час, когда ты постигнешь, что он (океан) бесконечен и что нет ничего более ужасающего, чем бесконечность.“*

Таким образом отсутствие интереса к „старому Богу“ - как бы гротескно это не звучало – его самая действенная защита. Тем, что он изгнан из образа и представления, он исключается из возможности экзистенциальной коммуникации, он не фигурирует более в общественных дебатах. Подобный тип атеизма – наилучшая гарантия сохранения религии „старого Бога“, идеологии зависимости от самого себя.

Устрашающий опыт свободы, отсутствие определённости и линии горизонта экзистенции, вынуждает по сути свободных людей снова и снова создавать для себя формы существования, которые призваны решать судьбы последнего смысла и бессмыслицы, как, например, фантазмогории удавшейся или неудавшейся жизни или идеологии самореализации или самовоплощения; однако всё это напрасно: *„Ой, смотри, если тебя охватит тоска по родине, будто бы там было больше свободы, - и родины больше нет!“* (12)

Для подлинно просвещённого человека нет возврата к идеологическим системам, создающим иллюзию, что целью экзистенции - как бы она не декларировалась - является некая премисса о том, что индивидуум в соответствии с этой целью проживает или „удающуюся жизнь“, или приходит к выводу о „жизни несостоятельной“. Истиной

остаётся тот факт, что формирование структур экзистенции происходит в свете полной конечной неопределённости и бесцельности сущности.

Коль скоро апологеты так называемых просвещённых религиозных исследований полагают, что отрицание образа Бога решилось в основе экзистенциальной проблемы и больше не является темой, и уж никак не главной темой, то они теряют из вида, что ликвидирован был только образ божий, но не чувство, и уж вовсе не мысли о нём. Перефразируя Эрнеста Блоха, они, вместо подлинного Просвещения предлагают примитивное псевдопросвещение (*statt Aufklärung nur "Aufklärlicht"*).

Представители так называемых просвещённых религиозных исследований считают, что они в достаточной степени отдали дань своему просвещённому мировоззрению, отказавшись по сути от экзистенциально релевантного представления о Богах в общем и целом; они присвоили себе представление о свободных Богах, свободной категории Священного, свободного бытия, заблокировав тем самым развитие мысли о свободе как основе экзистенции.

Необдуманное уничтожение образа напрямую ведёт к бездумию (*Gedankenlosigkeit*), конкретно - к нерелефлексированному сохранению старого несовершенного образа Бога в чувственном мире.

Таким образом им удаётся укрываться от нападков истинно просвещённого экзистенциального сознания, суть которого – убеждение в существовании Священного как основе свободы.

Они, богоубийцы, словно говорят себе: мы убили Бога не сознательно; перед лицом нашей Просвещённости он автоматически растворился, превратившись в ничто. Кто в наше время нуждается в представлении о Боге? Оно в лучшем случае всего лишь узкоспециальным предметом религиозно-позитивистского подхода в науке.

Непризнанное богоубийство, авторство и последствия которого не готовы брать на себя „они“, в действительности является не уничтожением, а вытеснением „старого Бога“.

Он живёт теперь по ту сторону сомнения в сокровителе чувств, не боясь быть разоблачённым мыслью. „Старый бог“, идеология зависимости от самого себя, мутировало до состояния спрятавшегося сказочного Румпельштильцхена.

Эта, бездумная этимологизация уничтожает, в силу своей вытесненности, вместе с представлением и мыслью. В силу этого обстоятельства „старый Бог“ обладает прежней властью над экзистенциальным сознанием как образованных, так и необразованных масс.

Просвещённое религиозиедение должно было бы последовательно обосновать мысль, составной частью которой является представления о старом Боге и его противоположности, свободном боге, категории Священного.

Не взирая ни на что, представление о Священном, продуманно подразумевающее экзистенциальную свободу, постоянно действовало, пусть даже, в силу репрессивности исторического всевластия идеологии культуры, подспудно; это вулканическая сила

существования, состоящая в способности порождать и уничтожать присущей ей неспецифической и могучей энергией любые свои производные, включая культуру.

Многие явно религиозные перевороты представляют скрытую угрозу для кажущихся безбожными мировоззрений, мнящих „старого Бога“ отменённым их волей. Причина этой угрозы в том, что здесь без прикрас формулируется то, чем в действительности является правда незнающего атеизма.

Огромное достижение экзистенциального сознания как-раз в том и состоит, что оно бесконечно отдалено от всех своих возможных производных, что оно в состоянии освободить себя от любых форм самосоздания и своей так называемой идентичности.

Самоопределение также не являет собой Солнце, к которому можно навечно прикрепиться. Это утверждение истинно в силу того, что причина и первооснова экзистенциального сознания кроется в бездонной и неукротимой свободе. В чём сущность человека? Что составляет его так называемую идентичность? В чём его предназначение?

Это сила творческого самоотрицания, сила отказа от всех окостеневших форм самоопределения и манипуляции, гарантия отмены заданных форм экзистенции. Идентичность существования кроется в её силе, терпеть отсутствие всякой идентичности, в её воле к бытию при условии наличия сущностного инобытия.

Способность быть иным, трансцендентность, самоликвидация экзистенции не допускает материальной идентичности. „Не долженствование быть именно таким“ превращается в „способность быть иным“. Ни гетерономия, ни автономия не способны в основе своей предписывать экзистенции её модальности.

Таким образом ни одна из форм структурирования экзистенции не способна полностью определить и обозначить сущность человека. Сущность эта в изначально присущей свободе, силе и способности порождения и отрицания всех и всяческих форм. Экзистенция не уничтожается отрицанием, как раз напротив, оно живёт в нём. Именно в момент познания себя бессмысленной, бесцельной и абсолютной, экзистенция становится самой собой.

Необходимость свободы, есть то, что не обходит закосневшую экзистенцию; она есть вулканическое стремление свободы, отрицания, бездонной глубинности экзистенции. Ни одна из сил мироздания неспособна противостоять этой потребности: ни „старый Бог“, ни его убийцы, вводящие себя в заблуждение.

Апокалипсис „блаженного человека“ не оставляет сомнения в том, что утопия является родиной экзистенции. Философия называет её неопределённостью, мифология – Священным.